Текст · 22 июня 2020, 18:23
Кирилл Серебренников,

«"Пострадавшее" министерство — токсичная контора, которая предаст и подставит». Выступление Кирилла Серебренникова в суде, где ему запросили 6 лет заключения

В Мещанском районном суде Москвы гособвинение попросило признать режиссера Кирилла Серебренникова виновным в растрате бюджетных денег, выделенных на театральный проект «Платформа», и приговорить его к 6 годам заключения. «Медиазона» ведет онлайн с заседания и отдельно публикует текст, написанный Серебренниковым для его выступления в прениях.

Надо, вероятно, сказать, почему «Платформа» стала важным и значимым проектом не только в отечественном современном искусстве — но и в жизнях людей, которые его придумали, делали и посещали.

Идея «Платформы» — это, прежде всего, идея свободы художественного высказывания, идея многообразия видов жизни, утверждения сложности мира, его разнообразия, его молодости и обаяния в этом разнообразии. Это про надежду на изменения.

О чем я думал, когда предложил идею сложного многожанрового проекта новому президенту России, который провозгласил курс на «модернизацию» и «инновацию»?

Черт возьми, думал я, ну, может, хоть сейчас у большого количества талантливых, ярких, непокорных молодых людей, которых я знаю лично, и которые не находят себе места в рамках традиционных, еще советских институций, может, у молодых ребят, которые все чаще работают в Европе, получая там гранты, успех, признание — может, у них благодаря государственному финансированию в конце концов будет шанс реализоваться и на родине, и не быть унизительно заключенными в гетто необязательного «эксперимента». Так думал я!

Есть ли смысл в этих трех годах «Платформы», за которыми последовали три года арестов, ложных обвинений, судебных разбирательств? Этот вопрос все чаще задаешь себе сам.

Много ли это — 340 мероприятий, сделанных нами на «Платформе» за три года, большинство из которых оригинальные, уникальные, сложные, с участием серьезного количества артистов, музыкантов, режиссеров, художников, танцоров, композиторов? Много. Очень много. Это вам скажет любой человек, хоть в чем-то разбирающийся в театре, музыке, современных технологиях, современном танце. И они — эти люди, специалисты, знатоки — приходили уже в суды и свидетельствовали о себе, о своей работе, о том, что они видели в цехе Белого на «Винзаводе» в 2011-2014 годах. Претензии Минкульта и прокуратуры, что за деньги субсидии мы сделали что-то не так — смехотворны. Может быть, они считают, что мы не 340 мероприятий должны были сделать, а 800. Ну раз из субсидии в 216 миллионов мы 128 «украли»! Ну так хоть бы об этом сказали! Сколько мы ни спрашивали потерпевшее министерство, мы

так и не услышали претензии к нам. Ни в целом к проекту, ни к какому-либо его событию. Это нелепое обвинение я полностью отвергаю.

Несомненно, именно сейчас стал понятен принцип, сформулированный предыдущим министром культуры, тем, который пришел на место открывавшего «Платформу» Александра Авдеева, принцип, по которому этот министр, сегодня уже бывший, решил взаимодействовать с современным искусством: «Эксперименты — за свой счет». Так он говорил во многих своих выступлениях. И сейчас ясно, что он говорил именно о «Платформе». И этот «свой счет» — как раз те три самых года арестов, преследования, клеветнических, абсурдных обвинений и судов.

Есть разные версии, почему вообще возникло «театральное дело», — от самых нелепых до сложных и конспирологических. Все когда-либо станет явным, когда-нибудь вскроются архивы спецслужб, и мы поймем, кто давал приказы, кто придумал это дело, кто его фабриковал, кто писал доносы. Сейчас это не важно — важно, что мы сделали «Платформу» со всей ее многоукладностью, свободным перетеканием жанров, с необычностью, с яркостью и непривычностью, и она оказалась онтологически чужда всей системе культуры бюрократии, культуры лояльности. И теперь понятно, что это «пострадавшее» министерство — совершенно токсичная контора, которая в любой ситуации только предаст и подставит.

Жалею ли я, что я сделал «Платформу» именно такой — местом полной творческой свободы,

местом, где себя смогли реализовать множество творческих людей? Нет. Жалею ли я, что бухгалтерия «Платформы», которая и является предметом всех этих судебных заседаний и расследований, была так ужасно организована? Конечно, жалею. Но, к сожалению, ни повлиять на это, ни изменить это тогда, я не мог, я ничего в работе бухгалтерии не понимаю. Я занимался бесконечным выпуском и организацией мероприятий. Я не занимался финансами.

Абсолютно понятно, что «Платформа» — это не только бухгалтерия, а прежде всего то, что сделано на площадке «Винзавода», это 340 мероприятий, это тысячи зрителей, которые воспитывались нами, это десятки молодых профессионалов, которые состоялись и повысили свою квалификацию в рамках нашего проекта. И меня возмущают попытки отменить значение «Платформы», меня возмущают лживые утверждения, что мы что-то не сделали или сделали не за те деньги. Обвинение врет, они защищают свои мундиры и тех, кто это дело затеял.

Люди, которые работали с нами на «Платформе» приходили в суд и свидетельствовали за нас, это делали даже свидетели обвинения. В «театральном деле» нет ни одного свидетельства, ни одного доказательства моего нечестного поведения, моего незаконного поведения, моего желания материально обогатиться за счет денег, выделенных на проект.

Есть полная уверенность, что артистическая жизнь «Платформы», за которую я отвечал, была актом общего усилия со стороны честных, талантливых, ярких людей в своем поколении, тех прекрасных

ребят, ради которых я все это и придумал. И 340 мероприятий «Платформы» — это то, чем, уверен, они тоже гордятся.

Юмор — и довольно горький — нашей ситуации заключается в том, что это обвинение построено на показаниях бухгалтеров и тех знакомых бухгалтеров, которые обналичивали деньги «Платформы». На них давили следователи, и они, опасаясь за себя, оговаривали нас. Врали. На их вранье следователь Лавров и его команда сфабриковали «театральное дело». Лучшие друзья следователей — это «обнальщики». Увы, таков парадокс!

Совершенно ясно, что бухгалтерия проекта велась из рук вон плохо, этого никто и не отрицает. Это стало понятно в том числе и из аудита, который я начал в 2014 году. Никто и не удивился бы, если бы разбирательства велись именно в этой плоскости. Если бы следователи разбирались в том, как бухгалтеры обналичивали наши деньги через собственные фирмы. Но «театральное дело» — это не про бухгалтерию. Это про то, как люди, которые делают успешный театральный проект, из-за изменения в общественном климате бездоказательно объявляются «преступной группой», это про то, как государство (ведь Министерство культуры — это государство) отказывается от того, что сделано и создано им же самим на деньги налогоплательщиков, на деньги бюджета, в угоду конъюнктуре момента.

Отличие «современного искусства» от госзаказа, пропаганды, именно в том, что оно очень остро, критично, парадоксально реагирует на современность, на текущую жизнь — реагирует

современными медиа, честным принципиальным разговором, реагирует через свободную рефлексию, через искусство. На нашу работу реагируют преследованиями, судами и арестами. В этом смысле проект «Платформа» и продолжающиеся три года преследование тех, кто его сделал, очень точно маркирует то, что с нами всеми происходит, и в этом смысле, проект, конечно, продолжает свою работу, фиксирует время, точно определяет положение вещей.

Чувство несправедливости не покидало меня все время, пока длится «театральное дело» — мне казалось, что мы все вместе и я, в частности, сделали что-то настоящее и важное для нашей страны, создав проект «Платформа», он стал одним из мостов между Россией и миром, он стал инструментом вовлечения нашего отечественного искусства в актуальные процессы, которые происходят в мировом искусстве. Именно для этого он и создавался, а не для «обналичивания»! А те, кто сочинил «дело» и обвиняет нас в какой-то гадости, они как раз сделали все для того, чтобы Россия предстала сегодня местом, где можно три года издеваться над людьми, без всяких доказательств обвиняя их в том, что они не делали.

Уверен, «Платформа» повлияла на театр, исполнительские искусства, медиаарт, танец, современную академическую музыку. Эта моя убежденность основана на том, что опыты «Платформы» — и практические, и теоретические — продолжаются и сегодня, почти десять лет спустя, на других сценических площадках, в других проектах, в работах многих современных художников.

Время все расставит на свои места. Проект «Платформа» и его документация в суде РФ — это теперь часть новейшей истории российского искусства. Видимо, злой умысел тех, кто это затеял и сочинял, был в том, чтобы дискредитировать нас, обвинив в том, что никто из тех, кто придумал и делал «Платформа», конечно же, не совершал, и этим уничтожить память о проекте, свести его к отвратительной работе бухгалтерии. Это у вас не выйдет. Ваши претензии полностью бездоказательны и поэтому смехотворны, сколь бы огромные цифры вы ни писали в вашем обвинении.

Совесть, честность, профессиональная и человеческая порядочность, творческое бесстрашие, свобода — именно это утверждалось как главные ценности в работе «Платформы», в той ее части, за которую отвечал я. Я, разумеется, не об этой чертовой бухгалтерии. Об этом в суде говорили участники проекта и те, кто был среди его зрителей.

Творческие люди остро чувствуют несправедливость, они чувствуют, кто честен, а кто — врет, кто вор, кто мошенник, а кто — нет. И я благодарен творческому сообществу, все эти годы поддерживающему нас, приходящим в залы судов, к судам, писавшим письма и материалы в нашу поддержку. И хоть эту ложь, клевету и беспредел нельзя победить коллективными письмами, нам было приятно, что вы делали хотя бы это.

Время «Платформы» — это прекрасное время творчества и радости от того, что поколения молодых художников могут работать, получая за это и достойное вознаграждение, и удовлетворение от того,

что их даже самые безумные идеи могут быть реализованы.

У людей слабых есть прекрасные и выученные назубок оправдания собственной беспомощности: «Такое нам дали указание», «Нам так велели», «Все решено не нами», «Ну вы же понимаете!». Такова российская «банальность зла»! Проект «Платформа» — воспитывал всех — и зрителей, и участников — сопротивляться выученной беспомощности, быть ответственным за свои действия, действовать, созидать. В этом смысле я полностью отвечаю за художественную программу Платформы», за все «эксперименты», по которым мне и моим товарищам выставлен этот судебный счет.

Юность всегда выбирает свободу, а не «стойло», не «стадо». В этом смысле «Платформа» давала надежду и художникам, и зрителям на то, что идеи свободы рано или поздно станут основой всего нашего бытия. Я уверен, что это и есть один из уроков «Платформы», ценный для тех, кто хочет изменения жизни, и причина яростных, агрессивных нападок тех, кого устраивает существующий порядок вещей.

«Всегда говори правду», — так меня учили родители! Проектом «Платформа» мы говорили стране и миру о молодой, честной стране, в которой живут честные люди, готовые к тому, чтобы Быть Авторами своей жизни! Быть свободными Авторами!

Абсолютно ясно, что те цели, которые государство ставило перед «Платформой» на тот момент, — развитие и популяризация современного искусства — мной, нами, теми, кто делал проект «Платформа»,

выполнены с максимальной отдачей, выполнены полностью.

Мне жаль, что «Платформа» стала роковым моментом в судьбе для моих товарищей по судебным разбирательствам. Мне совершенно не жаль, что годы жизни я посвятил развитию искусства в России, пусть это и было связано с трудностями, с преследованиями, с клеветой. Я никогда не делал ничего во вред живых существ, я никогда не совершал нечестных поступков. Я работал в Москве, в России много лет, я поставил много спектаклей, я снял несколько фильмов, я старался быть полезным людям моей страны. Я горжусь каждым днем, который я посвятил своей работе в России. В том числе и теми днями, когда я делал проект «Платформа».